

ФИЛОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭСТЕТИКА

УДК 11:82(470)
ББК 87.3(2)521-362:82

М.Н. КАТКОВ И «МЛАДЕНЕЦ-ФИЛОСОФ» Н.Ф. ЩЕРБИНА¹

Е.А. ТАХО-ГОДИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1-й учебный корпус, г. Москва, 119991, Российская Федерация
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
ул. Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»,
ул. Арбат, д. 33, г. Москва, 119002, Российская Федерация
E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Рассматривается история взаимоотношений поэта Н.Ф. Щербины (1821–1869) и М.Н. Каткова. Показана противоречивость оценок Н.Ф. Щербины фигуры М.Н. Каткова: он то порицает катковскую зависимость от чуждой России немецкой философии, то восхищается его ролью в формировании истинного «государственного и общественного самосознания» в середине XIX столетия. Доказывается, что эта противоречивость связана не только с эволюцией «политического идеала» самого Н.Ф. Щербины – от либеральных симпатий конца 1850 – начала 1860-х годов (проявлявшихся в его заботах о публикации биографии А.Н. Радищева или в переписке с А.И. Герценом) до открытого перехода на «консервативные» позиции, враждебные любому либеральному «якобинству». Выдвигается гипотеза о конфликте «политического идеала» и исходных эстетических и философских установок, сформулированных поэтом еще в начале 1850-х годов в письмах к А.Н. Майкову, недаром окрестившему Н.Ф. Щербину в письме к Ф.М. Достоевскому «младенцем-философом». Показано, что из-за «антипоэтической среды конечного» поэт выступает то как язвительный ипохондрик, автор злободневных сатир и эпиграмм, то как представитель «чистого искусства», погруженный в мир античности в поисках «красоты» и «бесконечного». Делается вывод, что Щербина, желавший «жить современностью», будучи увлечен русской идеей – мечтой о «Руси Мысли», веря в стихийную тягу русского народа к «философским и космическим вопросам» и не находя отзвука этим идеям в либеральных кругах, сознательно делает «ставку» на партию Н.М. Каткова, но остается внутренне, эстетически чуждым и катковской партии, и самому «комическому времени» 1860-х годов. Констатируется, что эстетическая чуждость Н.Ф. Щербины своей эпохе нашла отражение в последующей беллетристике (роман Б. Маркевича «Четверть века назад»).

Ключевые слова: *Н.Ф. Щербина, М.Н. Катков, конфликт «политического» и «эстетического», взаимосвязь литературы и философии искусства*

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

M.N. KATKOV AND «CHILD-PHILOSOPHER» N.F. SCHERBINA

E.A. TAKHO-GODI

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Leninskie gory, the 1st study building, Moscow, 119991, Russian Federation
Institute of World Literature A.M. Gorky the Russian Academy of Science,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation
Library of history of Russian philosophy and culture «A. F. Losev House»
33, Arbat str., Moscow, 119002, Russian Federation
E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

The article is devoted to the history of the relationship between the poet N. F. Shcherbina (1821–1869) and M. N. Katkov. The paper shows the inconsistency in N. F. Shcherbina's estimates of M. N. Katkov's figure: he sometimes condemns Katkov's dependence on German philosophy alien to Russia, at other times he admires him for his role in the formation of a true "state and public identity" in the mid-XIX century. It is proved that this inconsistency has its roots not only in the evolution of N.F. Shcherbina's "political ideal" – from the liberal sympathies of the late 1850s – early 1860s (manifested in his concerns about the publication of A. N. Radishchev's biography or in his correspondence with A. I. Herzen) to the open transition to the "conservative" position hostile to any liberal "Jacobinism". A hypothesis is put forward about the conflict between the "political ideal" and the initial aesthetic and philosophical attitudes formulated by the poet in the early 1850s in his letters to A. N. Maikov, who, not without a reason, in a letter to F.M. Dostoevsky, tagged N. F. Shcherbina "a baby-philosopher". The article shows that because of the "anti-poetical environment of the finite", the poet acts at times as a sarcastic hypochondriac, the author of topical satires and epigrams, while at other times he is a representative of "pure art" immersed in the world of antiquity in search of "beauty" and "the infinite". The author of the article comes to the conclusion that Shcherbina, desiring to "live the present", fascinated by the Russian idea – by the dream of the "Russia of the Mind", believing in the natural craving of the Russian people for "philosophical and cosmic questions" and finding no echo of these ideas in the liberal circles, deliberately makes a "bet" on N.M. Katkov's party, but he remains inwardly, aesthetically alien both to N.M. Katkov's party and to the "comic times" of the 1860s. The article asserts that N.F. Shcherbina's aesthetic disaffection with his era was reflected in the subsequent fiction (B.M. Markevich's novel "A Quarter of a Century Ago").

Key words: N. F. Shcherbina, M. N. Katkov, conflict of the "political" and the "aesthetic", interconnection of literature and philosophy of arts.

Литературное окружение М.Н. Каткова огромно. Издание «Московских ведомостей» и еще в большей степени «Русского вестника» вовлекло в его орбиту виднейших представителей русской литературы второй половины XIX столетия. Тут и Ф.М. Достоевский, и И.С. Тургенев, и Л.Н. Толстой. На фоне этих громких имен поэт Николай Федорович Щербина (1821–1869) не только выглядит весьма скромно, но почти маргинально. И тем не менее история их взаимоотношений с М.Н. Катковым небезынтересна.

О том, как, когда и при каких обстоятельствах пересеклись жизненные пути Щербины и Каткова, сведений не сохранилось. Теоретически знакомство могло произойти в первой половине 1850-х годов, когда Щербина жил в Москве. Однако сохранившиеся письма Щербины к Каткову датированы исключительно началом 1860-х годов. Но уже в конце 1850-х годов Щербина начинает содей-

ствовать катковскому «Русскому вестнику». Судя по письму к Щербине В.Р. Зотова от 29 октября 1858 г.² и по его собственной переписке с сыном А.Н. Радищева³, именно Щербина пересылает из Петербурга в Москву Каткову для «Русского Вестника» написанную П.А. Радищевым биографию отца, обработав ее для публикации (участвовал в этой обработке и М.Н. Лонгинов⁴. В первой половине 1860-х годов сотрудничество Щербины с Катковым усиливается. В письмах к Каткову Щербина зачастую выступает в роли «поставщика» материалов для изданий Каткова или, так сказать, доброхота, желающего успеха его издательскому предприятию. Так, в письме от 13 февраля 1861 г. он рекомендует Каткову для возникшего в 1861 г. нового отдела «Русского вестника» «Литературное обозрение и заметки» не пропущенную петербургской цензурой статью А.П. Милюкова «Мертвые души Большого света» по поводу романа Н.Д. Хвощинской «В ожидании лучшего»⁵. Судя по этому письму, можно предположить, что еще раньше Щербина рекомендовал для того же «Литературного обозрения» статью Я.К. Грота «Заметка о русской журналистике», напечатанную в февральской книжке «Русского вестника» за 1861 г. и получившую отповедь Д.И. Писарева в его антикатковской статье 1862 г. «Московские мыслители».

В 1862 г. в «Русском Вестнике» появляются стихотворения Щербины, написанные во время его заграничного путешествия 1861 г. (в № 1, № 2 – одновременно с тургеневскими «Отцами и детьми», № 6). Тогда на общем либеральном подъеме Щербина мог одновременно послать стихи Каткову и письма Герцену в Лондон с рассказом о замысле издания сборника народных песен⁶. «Сборник русских народных песен» Щербина так и не издаст, хотя систематически собирает материалы. Эти занятия подводят его вплотную к размышлениям о народном образовании. Итогом этих размышлений стали статья «Опыт о книге для народа» в «Отечественных Записках» (1861, № 1) и написанная в 1862 г. как ее продолжение статья «О народной грамотности и устройстве возможного просвещения в народе» для катковского «Русского вестника» (1863, № 6). Здесь Щербина изложит подробный план книги «Читальник» – «сборника для народного чтения» в 6 отделах. Книга выйдет в свет под названием «Пчела» в 1865 г.

В феврале 1862 г. Щербина предлагает Каткову неожиданный ход, который, по его мнению, может содействовать завоеванию петербургской прессы. Он советует Каткову взять в аренду «Санкт-Петербургские ведомости». 8 февраля 1862 г. Щербина пишет Каткову: «Эврика! Эврика! – Вам счастье богатства,

² РО ПД. Ф. 7037. Л. 20 (см. также: Данилевский Г.П. Из литературных воспоминаний. Н.Ф. Щербина (Его письма и неизданные стихотворения) // Исторический Вестник. 1891. № 1. С. 47 [2].

³ РО ПД. Ф. 7173; письма к Щербине П.А. Радищева – РО ПД. Ф. 7121.

⁴ См.: Костин А.А. А.Н. Радищев как фольклорист // XVIII век. СПб., 2013. С. 312 [1].

⁵ РО РНБ. Ф. 881 (Н.Ф. Щербина). Ед. хр. 152. Л. 1-1об.

⁶ Об этом можно судить по письму А.И. Герцена к Щербине от 15 (3) апреля 1861 г. – РО ПД. Ф. 7012 (письмо опубликовано, см.: Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 146 [3] и по письму к А.И. Герцену Щербины от 16 апреля 1861 г.: Н.Ф. Щербина – Герцену / публ. Е.В. Гиппиуса // Литературное наследство. Т. 62. М.: Наука, 1955. С. 730–732 [4].

а русской публике счастье здорового органического умственного развития и должного направления политического... <...> Берите на себя издание “Петербургских ведомостей” с ее десятью тысячами подписчиков и в то же время продолжайте “Русский вестник” (с 7 тысячами подписчиков), но “Современную Летопись” вовсе уничтожьте: как чисто политическую газету заменяет “Петербургские Ведомости”. <...> Время будет: ведь Краевский издает же в одно и то же время и “Петербургские Ведомости” и “Отечественные Записки”⁷. Щербина не скупится на уговоры: он приводит денежные расчеты, советует сдать типографию в Москве в аренду, гарантирует, что в Петербурге Павлу Михайловичу Леонтьеву, соратнику Каткова по изданию «Русского вестника» и «Московских ведомостей», будет обеспечено профессорское место («ему еще в ноги поклонятся»). Однако «проектом» Щербины Катков не воспользуется – за издание «Петербургских ведомостей» с 1863 г. возьмется (и вполне успешно) бывший сподвижник Каткова по «Московским ведомостям» В.Ф. Корш.

В письме к Каткову от 7 февраля 1863 г., одобряя намерение «Русского Вестника» напечатать поэму А.Н. Майкова «Смерть Люция», произведения А.К. Толстого, А.Ф. Писемского и И.С. Тургенева, Щербина выражает радость, что в катковском журнале «появятся произведения лучших наших писателей и по части изящной словесности, чем до сих пор щеголяли петербургские журналы»⁸. Он уверен, что «это произведет своего рода эффект в публике», неблагоприятный для противников Каткова, и «даст “Русскому Вестнику” еще больше влияния на общество»⁹. Он обещает Каткову содействовать (вероятно, совместно с А.Н. Майковым, которого он советует Каткову в письме от 16 марта 1863 г. «избрать своим комиссионером» по стихотворной части) тому, чтобы «доставить в “Русский Вестник” и стихотворения Тютчева и Полонского, чтобы сосредоточить сколько-нибудь лучших людей изящной литературы у Вас, а не <у> петербургских журнальных лавочников»¹⁰. Он рассказывает Каткову о читательском восприятии и поэмы А.Н. Майкова, и антинигилистического романа А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», подчеркивая в письме от 16 марта 1863 г., что такому роману самое место в журнале, опубликовавшем в 1862 г. тургеневские «Отцы и дети», что публика, увидев, что «все лучшие силы литературы» сосредоточены в журнале Каткова, что «все таланты пристали к “Русскому Вестнику”», «заподозрит нигилистические периодические издания», поймет, что «это не даром, значит, все умное, честное и даровитое на Руси ему (журналу. – Е.Т.-Г.) исключительно сочувствует и на его стороне, – а петербургские журналы, потакающие темным инстинктам болванства и стихийным чувствам недорослей, спекулирующие даже интересы отечества, мало по малу станут падать и падать»¹¹. Щербина мечтает, чтобы под крылом Каткова и при его финансовой поддержке вокруг журнала образовался

⁷ РО РГБ. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 50 об.

⁸ РО РГБ. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 51.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 51 об.

¹¹ Там же. Л. 51 об. – 52.

«современный Русский Парнас», потому что верит, что не только публицистические и политические статьи, которые в «Русском Вестнике» публика «прежде всего разрезывает и с жадностью читает»¹², но «даже художественные произведения со своей стороны также содействуют единству и последовательности направления и идеи» общественного самосознания¹³. Он предлагает Каткову для процветания журнала взять А.Ф. Писемского в «Русский Вестник» редактором: «Талант у него огромный, ум и чутье тоже; но нет образования и знания языков, нужных, кажется, для редактора. Впрочем он хорошо понимает потребности русской жизни и ее современный момент»¹⁴. Одергивая сам себя («Могу ли я Вам советовать?»), Щербина однако так увлекается, что вновь начинает давать Каткову советы по ведению журнала – призывает его жёстче торговаться; винит его в крайней нерасчетливости, в том, что его подход к делу приводит к убыткам, что он неправильно понимает, кому из авторов нужно платить больше, кому меньше; напоминает ему, что, помимо «патриотических», есть еще моменты «аксессуарные».

То, что Щербина в начале 1860-х годов желает Каткову и его журналу всяческого благополучия, вроде бы не должно удивлять. В письме к Каткову от 16 марта 1863 г., где Щербина именует адресата «искренне любимым Михаилом Никифоровичем» и благодарит его за истинно лестную «искренность отношений», поэт скажет о «Русском вестнике» как о журнале, «родившем наше политическое понимание и государственное и общественное самосознание»¹⁵. Еще раньше, 22 января 1862 г., предлагая Каткову свою статью «Мысль о двух проектах по народному образованию»¹⁶ и грозясь отдать ее в случае отказа Краевскому в «Отечественные Записки» или в «Петербургские Ведомости», Щербина противопоставит «Русский Вестник» петербургской журналистике, на которую он смотрит «как на пантеон полуграмотных и легкомысленных литературных жуликов, спекулятивно ловящих подписчиков на удочку прогресса и на червяков либеральных скандалов»¹⁷.

На таком благостном фоне выглядит абсолютным диссонансом написанные примерно за пять лет до того очень злой сатиры на «Каткова, Леонтьева, Коршей, также Феоктистова и всю эту литературную мелюзгу “Русского Вестника”» в щербиновском «Соннике современной русской литературы», служащем «дополнением к известному “соннику Мартына Задеки”», напечатанному в 1855–1857 гг. в «лубочной типографии при комитете народного помрачения»,

¹² РО РГБ. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 52 об.

¹³ Там же. Л. 51 об.

¹⁴ Там же. Л. 53.

¹⁵ РО РГБ. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 51 об. (см. фрагмент этого письма: Достоевский в неизданной переписке современников // Литературное наследство. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 390 [5]).

¹⁶ Вероятно, это первоначальное название статьи «О народной грамотности и устройстве возможного просвещения в народе».

¹⁷ РО РГБ. Ф. 120 (Катков). Ед. хр. 21. Л. 50.

причем «в сотый раз без перемен, как и все остальное в богоспасаемой России»¹⁸. Явление во сне Каткова, Леонтьева и прочих сотрудников «Русского вестника» по «Соннику современной русской литературы», «предвещает щеголять перед невеждами прививным умом из разных германских брошюр и фолиантов; не знать России, смотреть на нее из Гёттингенского окошка или из предместия св. Антония»¹⁹. Щербина особо подчеркивает «недобросвестность» и «заемность» идей «литературной мелюзги “Русского Вестника”»: их «эстетические статьи» списаны с Винкельмана и иных немецких изданий; сами они лишены таланта и вкуса, полны «вычитанными теориями и взглядами»; то, что они выдают за своё, – это «мысли, сказанные давно в Германии»²⁰. Он уверен, что негоже «с высоты своего пигмейского величия трубить о каких-то своих *собственных* убеждениях» людям, не умеющим ценить «своего очага» и представляющим не что иное, как «мимоидущие призраки и эфемириды в отечественном деле»²¹. Вот отчего увидеть во сне «Русский Вестник» или объявление о его издании «предвещает увидеть наяву, как перо рождает мышь или как лягушки раздуваются в быков; иногда же предвещает испытать на самом деле как легко надуть, на первый год, простосердечную публику великолепными и пустозвонными пуфами»²².

Казалось бы, Катков во второй половине 1850-х годов привечает Щербину и его стихи не меньше, чем в начале 1860-х. В 1857 году в томе 7 (январь-февраль) «Русского вестника» дается объявление о выходе двухтомного собрания стихов Щербины и – с согласия автора – публикуется стихотворение «Свидание с морем». В том же томе с датой «Петербург. 4 февраля 1857» печатается стихотворение Ф.И. Тютчева «Н.Ф. Щербине», написанное под вдохновением от выхода этого двухтомника:

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей [7, с. 837].

¹⁸ См.: Щербина Н.Ф. Полное собрание сочинений. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1873. С. 325 [6].

¹⁹ Там же. С. 426

²⁰ Там же. С. 427

²¹ Там же.

²² Там же. С. 428

Возникает вопрос, что же могло спровоцировать Щербину именно в это время провозгласить анафему Каткову и его «Русскому Вестнику», обвинить их в следовании чуждой России немецкой философии и эстетики, вменяя подспудно в вину Каткову его студенческое прошлое – годы, проведенные в Германии, в том числе на лекциях Шеллинга?

Вероятнее всего, катализатором этой анафемы были не общественно-политические расхождения, а публикации о Щербине в 1857 г. в «Московских ведомостях». После январского объявления о выходе двухтомного собрания стихотворений Щербины и напечатанного с разрешения автора стихотворения «Нимфа вьюги»²³, в марте выходит рецензия на книгу²⁴. Правда, в 1856 г. Катков уже покинул газету, но нельзя исключить, что Щербине, тяжело болевшему осенью 1856 г.²⁵, мог померещиться некий заговор против него как поэта: рецензия была подписана буквой «К.», а в это время «Московские ведомости» возглавляет В.Ф. Корш, чей родной брат Е.Ф. Корш пока еще входит в редакцию катковского «Русского Вестника».

Рецензия, скорее всего, воспринималась самой редакцией как положительная, но и тон, и делаемые в ней умозаключения о характере Щербины и его мировоззрении не могли не вызвать у поэта раздражения. Рецензент уверял читателей, что два тома стихов – это тяжелое испытание для эстетического чувства, притупляющегося от массы стихотворных текстов. Щербина, указывал рецензент, со времени издания в 1850 г. первого сборника «Греческие стихотворения» явно эволюционировал: «Нашим читателям, быть может, памятно то время, когда имя г. Щербины впервые явилось в нашей литературе. Первая книжка его стихотворений, большею частью антологическая, возбудила громкие похвалы. В ней действительно были пиесы, свидетельствующие о несомненном поэтическом таланте, и они вошли в теперешнее издание его стихотворений. С тех пор как г. Щербина начал свое литературное поприще, исполненный юношеского сочувствия к античному миру, к тем изящным образцам, которые классическая древность завещала на удивление всем последующим векам, прошло около десяти лет; в это время таланту г. Щербины суждено было испытать различные влияния, формироваться и по возможности определиться. В нем, конечно, не могло не иссякнуть сочувствие к античному миру, но в то же время поэт не мог остаться чуждым тех идей, которые преобладали в передовых кружках Русского общества, и, разумеется, должен был более или менее усвоить их» [9, с. 141]. Этой эволюцией рецензент объяснял два типа стихотворений у Щербины: антологические и сатирические. При этом автор делал умозаключение о том, что, судя по стихам, поэт «не из тех характеров, которым сомнение глубоко западает в душу, которых оно, вдохновляя, гложет и терзает, которых преследует всюду»²⁶. Ипохондрик Щербина под

²³ См.: Московские ведомости. Лит. отд. № 9. 1857, 19 января. С. 41–42 [8].

²⁴ См.: Московские ведомости. Лит. отд. № 31. 1857, 12 марта. С. 141–142 [9].

²⁵ См.: Данилевский Г.П. Из литературных воспоминаний. Н.Ф. Щербина (Его письма и неизданные стихотворения). С. 46–47.

²⁶ См.: Московские ведомости. Лит. отд. № 31. 1857, 12 марта. С. 141.

его пером «невольно является оптимистом», причем оптимизм этот приводит к появлению в его стихах «общих мест», что явно «ослабляет впечатление»²⁷. Все сказанное приводило рецензента к мыслям об отсутствии прочной общественной позиции у Щербины и к требованиям наглядно ее артикулировать: «Нам кажется, что такие противоречия, даже у поэта лирического, обличают некоторую шаткость взгляда и направления. Разумеется, мы совсем не вправе требовать строгой последовательности в лирических проявлениях чувства, но мы конечно вправе требовать определенного характера, вправе доискаться до него, если он не бросается в глаза. Мы знаем, например, характер музыки Беранже, Барбье, Ламартина, Гейне, Ленау, Огарева; понятно, что мы желаем знать характер музыки г. Щербины»²⁸. И далее рецензент, указывая, что читатель, несмотря на прекрасные страницы, все же остается «в каком-то недоумении вследствие подмеченного <...> смешения болезненного с здоровым, истинного и непринужденного с ложным и натянутым»²⁹, лирического с пустой аффектацией. «Против подобных натяжек, – говорилось в рецензии, – нельзя не предостеречь автора. Мы вполне уважаем талант его, но желали бы видеть в его стихотворениях побольше естественности, простоты и, пожалуй, той правды, о которой так много и так бесполезно писал г. А. Григорьев, считая ее не столько даром неба, достоянием всякого истинного таланта, сколько слепым поклонением искусственным стремлениям, туманно провозглашаемым Русскою Беседою»³⁰.

Все в это рецензии – от иронической ссылки на авторитет Ап. Григорьева, также одного из постоянных объектов эпиграмм Щербины, от упреков за излишний оптимизм, отсутствие глубинных идей и четкого направления до разделения творчества Щербины на два вроде бы вполне очевидных направления – на сатирические ямбы и антологическую лирику – должно было задеть поэта, считавшего свои убеждения неизменными, а подобное разделение мнимым и противоречащим его собственным эстетическим и философским установкам.

О таком понимании свидетельствуют письма начала 1850-х годов Щербины к А.Н. Майкову. Вот, что писал Щербина Майкову после появления майковской рецензии на его первый сборник 1850 года «Греческие стихотворения» в «Отечественных записках» (1850, № 6): «Мне грустно было, когда по выходе книжки моих стихотворений критика, судя по их названию, смотрела на них как на произведения, писанные в духе ожившего (хотя и *вечно-живущего* на европейской почве) греческого мира. Но они названы мною так единственно только по внешней своей обстановке, к этому еще присоединились причины так называемых “независящих от автора обстоятельств”³¹. *Воспевая красоту*

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 142.

³⁰ Там же.

³¹ Щербина говорит в этом письме о цензурных препонах и более подробно: «Теперь ясно, что не будь в стихах моих Зевсов, Афродит, которых я по возможности избегаю, и других подобных им джентельменов и леди: у меня бы *до сих пор не было* бы ничего напечатанного, по известным причинам».

собственно и смотря на вещи с пантеистической точки зрения, я по художественным, техническим и логическим соображениям необходимо должен обставить свои стихотворения греческим миром, как исключительно миром – представителем Красоты, искусства, миром классическим, то есть, общечеловеческим, национальностью всех национальностей. <...> Я взял этот мир – представитель искусства вообще, его девиз, его эмблему, только как бы общую формулу алгебраическую вроде $(a=b)^n$ = подставляйте под этим общие знаки, какие угодно частные цифры... Мне кажется, что современному писателю надо не иметь совершенно здравого рассудка, чтобы прикидываться Греком, тем более для меня, для которого вчера уже кажется старым – так как я живу с современностью, горячо сочувствую современному... и только, порой, от оскорбившей меня своей грязью и мелочью окружающей меня действительности, мне необходимо и отрадно окунуться в освежающие волны чистой, безотносительной красоты, или, отведя взгляд от окружающей меня среды, антипоэтической среды конечного, погрузиться в бесконечное, и обставить по необходимости свое произведение вышеупомянутой общей формулой искусства. – Некоторые люди, воспроизводящие в современной нашей, так называемой, литературе отрицательные стороны текущей действительности, следуя общему, но тем не менее одностороннему мнению, имеют повод презрительно осудить указанную мною идею поэтической деятельности, оттого что, по предубеждению своему, легко могут и не вспомнить, что кроме Руси чиновничьей, купеческой, помещичьей есть еще Русь Мысли и чистой, безотносительной идеи искусства... “Думы” Кольцова служат, некоторым образом, доказательством, что даже и в простонародье нашем лежат семена философских и космических вопросов...»³².

О том же говорится и в письме Щербины к Майкову от 15 ноября 1853 г.: «Стихотворения мои, названные печатно “Греческими”, названы так “по независимости от автора обстоятельств”. Разумную возможность такого названия я привязал к их внешней обстановке. Выражая в них свои убеждения, свое мирозерцание, свой характер, свою натуру, и вообще пантеизм, на почве которого зреют современная мысль и естественные науки, и вне которого нет для меня разума (хоть и есть искусство), я не мог иначе, никак не мог иначе обставить мои стихотворения, как только обстановкой греческого мира, классического мира. Классические народы: Евреи (религия), Римляне (общественность, гражданственность, закон) и Греки (искусство), суть нации всех наций, т.е., европейских наций, потому что они вошли основным началом в нашу жизнь, в наш быт, и потому греческий мир столько же родной нам русским, сколько немцам, англичанам и другим европейцам, поэтому я писатель чисто русской, хоть только без (конечной, временной, преходящей) обстановки русской в своих сочинениях.

³² РО ПД, Ф. 16982. Л. 2 об.

Мне никак невозможно обставить своих идей, как бы я ни силился, ни Акулинами, ни Хавроньями, ни Бурмистрами, ни даже Балахонским уездом³³, ни даже испанцами и итальянцами. Именно для такого содержания технически *необходима такая*, а не другая какая-либо форма и обстановка. *Бесконечное*, по моим скромным понятиям, некоторым образом более достойно искусства, чем конечное, т.е. временное, преходящее, прозрачное. Оно может быть и не так: но это в моей натуре, в моих средствах и дает мне как бы свою литературную физиономию, своего рода исключительность... А что автор без физиономии!...»³⁴ С точки зрения Щербины, «надо быть слишком близоруким, чтобы не заметить везде и во всем истории, даже и в современной лирике. Мотив исторический невольно, необходимо, не спросясь, входит в произведение поэта и преемственно связан с историей литературы»³⁵. Он пишет: «...мотив каждой моей пьесы всегда современно-исторический, навеянный современной действительностью и воспроизведенный большею частию а *contrario*»³⁶.

Правда, о пассаже против Каткова в «Соннике» Щербина сожалел уже в конце 1858 г. В письме от 18-го сентября 1858 г. он умолял своего близкого друга Григория Петровича Данилевского: «Вот к вам моя особенная и покорнейшая просьба. – У вас есть подлинная рукопись моего “Сонника”, писанная моей рукою. Заклинаю вас всем святым, успокойте меня тем, что вырвите из этой рукописи место о “Русском Вестнике”. Я написал его в сильной ипохондрии, в болезненном припадке самого черного взгляда на все. – М.Н. Катков самый лучший человек в настоящее время в России и полезный гражданин для нашего отечества и здорового его развития. – Семейство его и круг его общества прекрасные люди. – Я у него в семействе оставил собрание моих сатирических сочинений, эпиграмм и сонник в новой редакции, сделанной по моему выздоровлению.

И так я надеюсь на вас, что вы вырвете выше означенное место из “Сонника” и сожжете это место.

“Порука в этом ваша честь:

Я смело ей себя вверяю”.

Уничтожьте непременно» [2, с. 49–50].

К концу 1860-х годов Катков займет в эпиграммах Щербины («Marquis de W***») роль подлинного защитника интересов русского народа, что всего очевидней в эпиграмме «Наше время» (20 ноября 1867 г.), не столько веселой, сколько печальной, напоминающей своего рода автоэпитафию в духе позднейших юмористических автоэпитафий Владимира Соловьева:

³³ Балахнинский (Балахонский) уезд, появившийся в 40-х годах XVI в.

³⁴ РО РГБ. Ф. 18 (Н.П. Барсуков). Кар. 7. Ед.хр. 36. Л. 3об.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. От противного (*лат.*). – Е.Т.-Г.

Когда был в моде трубочист,
 А генералы гнули выю,
 Когда стремился гимназист
 Преобразовывать Россию.
     Когда, чуть выскочив из школ,
     В судах мальчишки заседали,
     Когда фразистый произвол
     Либерализмом величали;
 Когда мог Ольхин быть судьей,
 Черняев же от дел отставлен,
 Катков преследуем судьбой,
 А Писарев зело прославлен;
     Когда стал чином генерал
     Служебный якобинец Стасов
     И Муравьева воспевал
     Наш красный филантроп Некрасов;
 Когда бездарность и прогресс
 В России стали синонимом,
 И здравый смысл совсем исчез,
 Тургеневским рассеясь «Дымом»:
     Тогда в бездействии влачил
     Я жизни незаметной бремя, –
     И счастлив, что незнаем был,
     В сие комическое время!..

[6, с. 406–407; 2, с. 66]

Надо сказать, что трансформация отношения Щербины к Каткову, запечатленная в его эпиграммах 1850–1860-х годов, не уникальна для его творчества. Ситуация с Катковым во многом напоминает эпизод, описанный в конце апреля – начале мая 1869 г., вскоре после похорон Щербины, А.Н. Майковым в письме к Ф.М. Достоевскому. Сожалея об уходе одного за другим близких своих приятелей – Л. Мея, А. Григорьева и Н. Щербины, А.Н. Майков писал Ф.М. Достоевскому: «Щербину мне очень жалко. Младенец-философ был. Я об нем мог бы рассказать один случай, который рисует его вполне, но рассказывать неприлично, ибо дело касается меня, разве только вам бы рассказал. Когда он еще западничал, во время Крымской войны, он сочинял на меня разные эпиграммы, по своему обыкновению. Потом не знаю, что натолкнуло его заниматься русской историей, именно разбирать акты исторические, едва ли не примкнул он как-то к археографии. Канул и пропал. Встретился я с ним на юбилее Вяземского и по обыкновению встретился как с добрым товарищем. Пошли домой мы вместе – и Щербина разразился, что чувствует себя виноватым предо мною, что его давно мучит мысль, что он <1 нрзб.>; словом, он плакал, говоря на эту тему, да и меня довел до слез. Можете себе представить, как это скрепило наши отношения; русская история, сухие акты

вывели его из бесцветного космополитического западничества и пробудили теплое русское чувство. Этому он уже отдался вполне, и своими эпиграммами, рассказами, тешившими общество, был, может быть, одним из самых сильных противников и бойцов против крайнего западнически <...> в лице гимназистов с прокламациями и своими толстыми журналами. Недаром “Петербургские Ведомости”, которым Григ<орий> Данилевский на другой день смерти Щербины послал Щербиною за день до смерти написанный биографический краткий очерк, род докладной записки для получения какого-то места, – возвратили Данилевскому этот очерк назад, сказав: что об эдаких людях не может быть речи в их издании. Но вы, может быть, и не знаете, что “С<анкт>-Петер<бургские> вед<омости>” находятся теперь в руках этой компании? Да-с, кроме “Голоса” и “Зари” в Петерб<урге>, сколько я знаю, едва ли не все издания таковы, что нам нельзя там печататься. В Москве – только Катков, Аксакова уж убили, запретили газету, уже по приговору Госуд<арственного> Совета» [10, с. 77–78].

Однако при всей схожести, внешнем параллелизме ситуаций есть одно подспудное расхождение. В примирении Щербины с А.Н. Майковым важную роль играли не только «теплое русское чувство» и антизападничество, как полагал сам А.Н. Майков, но и чисто эстетическое чувство, ощущение внутренней созвучности майковского мировидения и поэтики, «парнасского» любования античным миром, стремления к созданию собственных «камей». Об этом в некоторой степени можно судить по строкам самого Щербины из его письма к Каткову от 7 февраля 1863 г., где он говорит именно об эстетической оценке майковской «античной» поэмы «Смерть Люция». Щербина признается, что слушал поэму дважды, причем «и во второй раз восхищался даже по эстетическом анализе»³⁷.

Рассказывая Каткову в письме от 12 апреля 1869 г. подробности смерти Щербины, постоянный автор «Русского вестника» Б.М. Маркевич признавался, что кончина поэта его особо опечалила, потому что «Щербина был честный и глубоко русский человек», и что у него появилось намерение написать о нем небольшую статью для «Московских ведомостей»³⁸. В письме от 14 апреля, где Б.М. Маркевич называет Щербину умным человеком и патриотом, он в свою очередь перескажет Каткову эпизод о тщетных попытках Г.П. Данилевского поместить биографический очерк Щербины в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем и в «Голосе»³⁹. В письме от 17 апреля 1869 г. он сообщит, что подготовляемая им статья о Щербине разрослась настолько, что ей место уже не в «Московских ведомостях» или «Современной летописи», но в «Русском Вестнике»⁴⁰. Однако в журнале за 1869 г. статья Б.М. Маркевича так и не появилась. Зато в изданном спустя десятилетие романе «Четверть века назад» писатель, чтобы пе-

³⁷ РО РГБ, Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 51.

³⁸ РО РГБ, Ф. 120 (Катков), Кар. 7. Ед. хр. 33. Л. 50.

³⁹ Там же. Л. 52 об.

⁴⁰ РО РГБ, Ф. 120 (Катков), Кар. 7. Ед. хр. 33. Л. 53.

редать духовную атмосферу середины столетия, введет, пусть и предельно краткий, разговор о Щербине и его сборнике стихов 1857 г. Этот разговор о поэзии должен, по мысли автора, живее продемонстрировать связь между общественно-политической и эстетической позициями противостоящих лагерей. Если для «благовоспитанного Духонина» стихи Щербины – это «прелесть», это «новая мысль в античной форме, то именно чего желал Шенье», чьи слова «*Sur des penseurs nouveaux faisons des vers antiques!*» Щербина поставил эпиграфом к своему двухтомному собранию стихотворений 1857 г.⁴¹ (их и цитирует Духонин), то для «студента» (читай: «юного западника и либерала») подобные «антологии» давно устарели. Студент Факирский уверен, что «нынешнему человеку петь на античный лад не приходится», потому что «ему тогда сузить себя надо». На ироническое замечание Духонина «Подите, сузьтесь до Гомера!..» – Факирский «со всем пылом и искренностью молодого увлечения» отвечает: «Современному человеку Жорж-Санды нужны, а не Гомеры!» [11, т. 1, с. 132]. Другой собеседник, вторя ему, предлагает видеть в Щербине аналог русского Э. Скриба – плодовитого мастера комедий и не более того, вероятно, памятуя исключительно о его эпиграммах и сатирических стихотворениях⁴².

Запечатленное в романе разделение русского общества на лагерь – не только политические, но и эстетические – мучило Щербину и вызывало резкие выпады. В письме к А.И. Герцену 16 апреля 1861 г. он писал: «Консерваторы наши “просто глупы и слава богу”, либералы наши – тоже глупы, только не просто и не слава богу. Надобно пожить в литературных кружках Петербурга и Москвы (включая, разумеется, “Русского вестника” и “Русской беседы”), чтобы видеть пустозвонство, мелочность, обскурантизм, узкое своекорыстие этих господ и их прихвостней ...» [4, с. 731]. В декабре 1861 г., вскоре после возвращения из-за границы, заграничной переписки с Герценом (а возможно, и встречи с ним в Лондоне), смерти одного из лидеров либеральных кругов Н.А. Добролюбова, он запишет в заметках «Для себя»: «Два противоположные, по-видимому, лагеря равно тупы и вредны надлежащему развитию народа и России... Куда прилепиться?..»⁴³ Сочувствие Щербины всему «русскому» отнюдь не делает для него привлекательным и славянофильский лагерь. Недаром в феврале 1862 г. он будет шутливо страдать Каткова, что если тот еще дольше будет тянуть с публикацией присланного Щербиной стихотворения, то он отдаст его И.С. Аксакову в «День»⁴⁴. Почвенник Ф.М. Достоевский как издатель журнала «Время» вызывал у него в начале 1860-х годов лишь желчные замечания. В письме Каткову от 16 марта 1863 г. он восклицал: «Разве еще есть у Вас соперник – ловкий заискиватель, комедиант – “Время” Достоевского. Он может кое-что переманить от Вас, несмотря на безграмотность

⁴¹ Об этом стихе как о квинтэссенции своего творчества Щербина говорит еще в начале 1850-х годов в письме к А.Н. Майкову [РО ПД, Ф. 16982. Л. 2 об.].

⁴² См.: Маркевич Б.М. Четверть века назад: Правдивая история. Т. 1–2. С. 133.

⁴³ РО РНБ. Ф. 881 (Щербина). Ед.хр. 63. Л. 99.

⁴⁴ РО РГБ. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 50.

и тупость»⁴⁵. Эта оценка, конечно, обусловлена недавно отшумевшей полемикой между «Временем» и «Русским вестником», когда в 1861 г. Катков уничтожил журнал Достоевского в статье «Наш язык и что такое свистуны» (РВ, 1861, № 3), а Ф.М. Достоевский парировал его доводы в статьях «“Свисток” и “Русский Вестник”» (Время, 1861, № 3), «Ответ “Русскому Вестнику”» (Время, 1861, № 5) и т.д., но вряд ли объяснима только «дипломатизмом» Щербины и желанием польстить своему корреспонденту.

Из-за «антипоэтической среды *конечного*» поэт выступает то как язвительный ипохондрик, автор злободневных сатир и эпиграмм, то как представитель «чистого искусства», погруженный в мир античности в поисках «красоты» и «бесконечного». Желая «жить современностью», поэтизирующий русскую идею, движимый романтическим поиском пути к «душе народа» и мечтой о «Руси Мысли», исполненный веры в стихийную тягу русского народа к «философским и космическим вопросам», но не находящий отзвука этим идеям в общественно-политических кругах, Щербина делает сознательную «ставку» на партию «государственника» и «центриста» Каткова, а вместе с тем и на «Русский Вестник». Этот выбор, конечно, предопределен национальными, патриотическими, общественно-политическими идеалами «младенца-философа», остававшегося чуждым, исходя из эстетических принципов собственной «философии искусства» и партии Каткова, и самому «комическому времени» 1860-х годов.

Список литературы

1. Костин А.А. А.Н. Радищев как фольклорист // XVIII век. СПб., 2013. С. 310–325.
2. Данилевский Г.П. Из литературных воспоминаний. Н.Ф. Щербина (Его письма и неизданные стихотворения) // Исторический Вестник. 1891. № 1. С. 32–69.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 405 с.
4. Н.Ф. Щербина – Герцену / публ. Е.В. Гиппиуса // Литературное наследство. Т. 62. М.: Наука, 1955. С. 730–734.
5. Достоевский в неизданной переписке современников // Литературное наследство. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 347–564.
6. Щербина Н.Ф. Полное собрание сочинений. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1873. 440 с.
7. Тютчев Ф.И. Н.Ф. Щербине // Русский Вестник. 1857. № 2. С. 837.
8. Московские ведомости. Лит. отд. № 9. 1857, 19 января. С. 41–42.
9. Московские ведомости. Лит. отд. № 31. 1857, 12 марта. С. 141–142.
10. Майков А.Н. Письма к Ф.М. Достоевскому (1867–1878) / вступ. ст. и публ. Н.Т. Ашимбаевой // Памятники культуры. Ежегодник. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 60–98.
11. Маркевич Б.М. Четверть века назад: Правдивая история. Т. 1–2. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1879.

References

1. Kostin, A.A. A.N. Radishchev kak fol'klorist [Radishchev as a folklorist], in *XVIII vek* [XVIII century]. Saint-Petersburg: Nauka, 2013, pp. 310–325.

⁴⁵ Там же. Л. 51 об. (Этот фрагмент письма опубликован, см.: [5, с. 390]).

2. Danilevskiy, G.P. Iz literaturnykh vospominaniy. N.F. Shcherbina (Ego pis'ma i neizdannye stikhotvoreniya) [From literary memories. N.F. Shcherbina (his letters and unpublished poems)], in *Istoricheskiy Vestnik*, 1891, no. 1, pp. 32–69.
3. Gertsen A.I. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. 27. Kn. 1* [Collected works in 30 vol., vol. 27, book 1]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. 405 p.
4. N.F. Shcherbina – Gertsenu, in *Literaturnoe nasledstvo, t. 62* [Literary heritage, vol. 62]. Moscow: Nauka, 1955, pp. 730–734.
5. Dostoevskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov [Dostoevsky in the unpublished correspondence of contemporaries], in *Literaturnoe nasledstvo, t. 86* [Literary heritage, vol. 86]. Moscow: Nauka, 1973, pp. 347–564.
6. Shcherbina N.F. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Saint-Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya, 1873. 440 p.
7. Tyutchev, F.I. N.F. Shcherbine [To N.F. Shcherbina], in *Russkiy Vestnik*, 1857, no. 2, p. 837.
8. *Moskovskie vedomosti* [Moscow vedomosti. Literary part], no. 9, 1857, January 19, pp. 41–42.
9. *Moskovskie vedomosti* [Moscow vedomosti. Literary part], no. 31, 1857, March 12, pp. 141–142.
10. Maykov, A.N. Pis'ma k F.M. Dostoevskomu (1867–1878) [Letters to F.M. Dostoevsky (1867–1878)], in *Pamyatniki kul'tury. Ezhegodnik, 1982* [Cultural monuments. Yearbook, 1982]. Lenin-grad: Nauka, 1984, pp. 60–98.
11. Markevich, B.M. *Chetvert' veka nazad: pravdivaya istoriya. T. 1–2* [A quarter of a century ago: a true story. Vol. 1–2]. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K^o, 1879.